

Солдаты морской пехоты

Добавил(а) Administrator

19.10.12 11:40 - Последнее обновление 12.01.16 11:55

[Списки литературы про освобождение Карелии](#)

Пестанов С. Солдаты морской пехоты.

Петрозаводск Карелия 1976г.

Ниже приведены отрывки о боях 1941 г. и несколько фотографий

БАЛТИЙЦЫ ВСТУПАЮТ В БОЙ

При отправке на фронт в составе бригады было 5179 человек. На вооружении бригады были бутылки с горючей жидкостью, гранаты, винтовки, несколько десятков автоматов,

41 противотанковое ружье, 28 станковых и 6 крупнокалиберных пулеметов, 50-миллиметровых минометов—12 и 82-миллиметровых — 9 и одна рация 5-АК-З. Артиллерийские и минометные подразделения, саперная рота, рота связи, бригадная разведка, медицинская рота формировались в ходе боев.

Бригада вошла в состав южной оперативной группы 7-й армии. Комбриг Рослов незамедлительно направился к командиру группой генерал-лейтенанту В. Д. Цветаеву. Тот пригласил Рослова садиться и спросил, в каком состоянии прибыла на фронт бригада?

Полковник Рослов коротко доложил о вооружении, снаряжении и численном составе бригады.

— Прекрасно,— проговорил Цветаев и показал Рослову на карте кружочек, обведенный красным карандашом:— Вот здесь, в районе Видлицы, завтра занять оборону, окопаться и задержать противника на этом рубеже.

— К этому времени не все батальоны придут, товарищ генерал-лейтенант,— проговорил Рослов.— Один батальон еще ждет оружия.

— Должен сказать, что противник не ждет, когда ваш батальон получит оружие и придет на фронт. Финны движутся вдоль берега Ладожского озера на Погранкондуши и Видлицу, надо остановить врага.— Он подумал немного и закончил:—В моем резерве есть взвод бронемашин. Это все, чем я располагаю. Действуйте. Учтите, что позади вашей бригады до самого Ленинграда наших частей пока нет.

Рослов задумался. А задуматься было над чем.

Обстановка на Петрозаводском и Олонецком направлениях сложилась крайне неблагоприятно для войск 7-й армии. Части финской Карельской армии, прорвав нашу оборону, разрезали фронт на две части и вышли к Ладожскому озеру. 168-я стрелковая дивизия Бондарева и 367-й стрелковый полк 71-й стрелковой дивизии с частями усиления оказались отрезанными от остальных частей 7-й армии и были переданы в подчинение 23-й армии, действующей на Карельском перешейке.

Перед группировкой противника, захватившей 14 июля железнодорожную станцию Лоймола, наших частей не было. Дорога на Питкяранту — Видлицу — Олонец оказалась открытой.

16 июля финские войска вышли в район Питкяранты. Навстречу противнику были брошены бойцы Питкярантского истребительного батальона под командованием С. Г. Яхно. Сюда же был выдвинут вновь сформированный 452-й стрелковый полк. Бойцы, вооруженные одними винтовками, мужественно сражались. Однако сдержать напор хорошо вооруженных крупных сил врага не могли и с тяжелыми боями отходили на Видлицу.

Генерал Цветаев заметил волнение Рослова, подошел к нему и тепло, по-дружески проговорил:

— Напрасно волнуетесь, Александр Петрович. И не то бывало. Желаю успеха.

На переправу комбриг вернулся с боевым приказом. Недалеко от Свири в красивом сосновом лесу дымили кухни, гудели автомашины, прибывшие для переброски бригады к месту сосредоточения. От переправы с песней двигалась колонна 1-го батальона.

Полковник Рослов собрал командиров и политработников, чтобы довести до их сведения боевой приказ.

Тут же был определен порядок движения и составлен план мероприятий штаба и политотдела бригады. Затем перед работниками штаба и политотдела и командирами, направлявшимися в батальоны готовить их к предстоящему бою, выступил полковой комиссар С. А. Аушев.

— Внушите всем, что за Видлицу противник не должен ступить ни шагу,— говорил он.— Наша оборона на Видлице временная. В скором времени мы перейдем в наступление и погоним фашистскую нечисть прочь с нашей земли.

Командиры и политработники внимательно слушали речь начальника политотдела. Все понимали, что предстоят тяжелые испытания командирской зрелости, испытания стойкости, готовности моряков к самопожертвованию.

После ужина стали готовиться к маршу. Сворачивались походные кухни, грузилось в машины продовольствие и боеприпасы, командиры торопили бойцов:

— Быстрей, быстрей! В двадцать ноль-ноль выступаем.

Так началась первая страница боевой истории 3-й отдельной бригады морской пехоты Краснознаменного Балтийского флота.

На рассвете 20 июля 3-й ОСБ старшего лейтенанта Яковлева прибыл в район деревень Кавгозеро и Кукой-мяги и сразу начал готовить оборону. Моряки взялись за непривычное дело. Они сняли фланельки и в одних тельняшках без передышки орудовали лопатами. Рыли траншеи, ходы сообщения. Сооружали огневые позиции. С каждым броском сырой прохладной земли они все больше углублялись в землю.

— Скорее бы добраться до установленной отметки— тогда можно и перекур устроить,— говорили они.

Вслед за 3-м батальоном сюда прибыл 2-й под командованием капитана А. З. Шведова и занял позицию на дороге, идущей из Кавгозера в Большие Горы. 1-й ОСБ выгрузился в лесу северо-западнее районного центра — Видлицы. Штаб бригады расположился в отделении связи поселка, рядом с командным пунктом южной оперативной группы генерала Цветаева, занявшим здание школы. Связисты капитана С. Н. Зайцева тянули провода. Связные и разведчики, словно пчелы в улей, то влетали, то вылетали из штаба бригады.

Отдельную пулеметную роту лейтенанта Корина командир бригады на автомашине направил для связи с 452-м стрелковым полком и группой особого назначения Н. А. Алмазова, которые отступали от Питкяранты.

Полковник Рослов и начальник политотдела полковой комиссар Аушев появлялись то в одном, то в другом подразделении.

Полковой комиссар Аушев пришел во 2-й батальон и еще издали увидел, как один морячок бросил саперную лопатку в кустарник. В те дни многие моряки неохотно брались за это землеройное орудие. Были и такие, кто недооценивал каску.

Аушев подходит к моряку и спрашивает:

— А где ваша лопата?

— Я ее бросил, товарищ полковой комиссар. Не землю ворошить мы пришли сюда, а бить гитлеровцев,— отвечает тот.

Аушев слушает матроса и не спешит с ответом. Долгая служба на флоте научила его владеть собой. Потом он поднимает брошенную в кусты лопатку и, показывая ее матросам, говорит:

— Это — оружие. Лопата, как и каска, винтовка и пулемет, находится на вооружении Красной Армии, и только тот, кто хорошо владеет не только винтовкой, пулеметом и гранатой, но и лопатой — выживет и победит. Для воина самая надежная броня — земля, а без лопаты не зароешься. Это нельзя забывать... — Он снимает китель и показывает, как надо рыть окоп.

В это время в другом месте комбриг Рослов разговаривает с комбатом Яковлевым.

— Разведку выслали?

Комбат мнетя, затем оправдывается тем, что противник еще далеко — можно пока обойтись и без охранения.

— Мы на фронте — и ни одной минуты без охранения и разведки. Запомните это раз и навсегда. Ни одной минуты, ясно?

Рослов был требователен. С подчиненными разговаривал просто, заботился о каждом офицере и матросе, но поблажек никому не давал. Это был хороший командир. Он умел вызвать матросов на откровенный разговор, умел слушать и охотно отвечал на любые их вопросы. За это ценили своего командира моряки.

Отдельная пулеметная рота лейтенанта Корина встретилась с противником раньше, чем ожидала. Произошло это так. 20 июля Корин получил донесение, что за Погран-кондушами навстречу нашим пулеметчикам движется большая колонна противника. Лейтенант Корин решил атаковать врага.

Пулеметчики залегли по обе стороны дороги. Как только голова колонны поднялась на косогор и миновала поворот дороги, на нее посыпался град свинца. И тут же перед егерями появились черные шеренги бушлатов. На врага шла неумолимая, как смерть, балтийская пехота. Оставшиеся в живых финны бросились в лес. Рота преследовала врага.

— Смерть фашистским гадам! — крикнул лейтенант Корин.

В ответ пронеслось громкое русское «ура!» На дороге осталось лежать свыше 150 трупов вражеских солдат.

Комбриг Рослов поздравлял отважных пулеметчиков с первым боевым успехом:

— Молодцы!- Высоко держите честь Краснознаменной Балтики.

Вступив в бой с морской пехотой, противник вынужден был стянуть к шоссе другие подразделения и тем самым ослабил нажим на 452-й стрелковый полк, который с боями прорывался к Видлице.

— Выручили вы нас,— с благодарностью говорили бойцы полка,— спасибо. Откуда вы взялись?

— Мы из Кронштадта. Нам что, а вот вам досталось...

Если бы не была выдвинута в сторону Салми отдельная пулеметная рота лейтенанта Корина, противник с ходу мог бы занять не только Видлицу, но и другие населенные пункты, расположенные по дороге на Олонец. Но этого не произошло.

Утро 21 июля. По сторонам дороги из Кавгозера на Видлицу в зеленом убранстве стоят леса. Громко и весело поют птицы. Серебрится под утренним солнцем ручеек. Стоит запах разнотравья. И не хочется верить, что где-то рядом враг, что он уничтожает все живое на своем пути.

Но вот затрещали финские автоматы. А наши молчат. В траншее появляется комиссар 2-го батальона старший политрук Сорокин. Перед боем он обходит ребят, чтобы приободрить, проверить их готовность. Но вот заговорили и наши окопы. Бой начался.

Первый удар врага приняла рота Марченко. Весь день она отбивалась от наседающего противника. Только к исходу дня, подтянув артиллерию и минометы, финны ворвались в Кукоймяги.

Пока в штабе бригады старались разгадать замыслы врага, финны обошли фланг нашей обороны по лесу, и за Кавгозеро разгорелся жаркий бой. На отдельных участках противник потеснил подразделения 2-го батальона. В этом бою отличился взвод под командованием политрука Шматова, который выдвинулся к дороге и устроил засаду. Хитрость удалась. Шматов наголову разбил взвод финских егерей. На дороге остались лежать 15 трупов солдат противника.

Тяжело воевать в лесах. Часто приходится действовать на ощупь. Каждую минуту можно ждать обходов и обхватов. Моряки знали, что финны умеют воевать мелкими группами в лесу, что они появляются там, где их меньше всего ожидают, и были настороже.

Нередко группам противника удавалось просачиваться в тыл и создавать видимость окружения. Так было и в бою за населенные пункты Кавгозеро и Большие Горы. Здесь храбро дрались моряки батальона старшего лейтенанта Яковлева, бойцы истребительных батальонов и воины отряда Алмазова. Большие Горы неоднократно переходили из рук в руки. 3-я стрелковая рота младшего лейтенанта Плотникова за день отбила шесть атак. Героически сражался взвод коммуниста Поравина. Сам Поравин заколол штыком двух солдат противника, а третьего уничтожил прикладом. Насмерть, стояли комсомольцы взвода Пышков, Бабкин и Стриганов.

Пулеметчик 1-й стрелковой роты Милахин, укрывшись за камнями, вел меткий фланговый огонь по наступающему противнику. Трижды финны поднимались в атаку, и каждый раз под огнем пулемета Милахина откатывались назад. Ранен наводчик, убит подносчик патронов, а пулемет Милахина живет. Уже девять пустых коробок лежит около пулемета, отважный моряк заправляет последнюю, десятую, ленту. Теперь он стреляет короткими прицельными очередями. Израсходовав все патроны и уничтожив более трех десятков вражеских солдат и офицеров, он, скрываясь в кустарнике, уходит в роту.

К вечеру бой закончился. Но затишье было коротким. Рано утром финская артиллерия обрушила на наши позиции тонны раскаленного, металла, а потом последовала одна атака за другой. Первой вступила в бой рота старшего лейтенанта Харитонова. Противнику удалось окружить ее. Сам командир роты не выпускал из рук автомат. Геройски сражались краснофлотцы Громов, Шекурдин, комсомолец Солодов. Они смело бросались в контратаку и умело били врага. Большие Горы снова несколько раз переходили из рук в руки. В этом бою героически погибли посланец Кронштадта старший лейтенант Харитонов и командир истребительного батальона старший лейтенант Аронов.

Мужество и стойкость в бою проявила и рота старшего лейтенанта П. А. Стибеля. Противник численностью до батальона пытался окружить моряков. Финны предложили им сдаться в плен. Командир взвода коммунист лейтенант Ратнёр обратился к морякам со словами:

— Русский флот никогда не спускал флага перед лицом врага. Не отступим от этого правила и мы с вами.

— Моряки не сдаются! — раздались голоса. По лесу пронеслось: «Полундра» — и рота пошла в атаку.

Стойко бился взвод главстаршины Дороша, который умело руководил боем и лично уничтожил около десятка оккупантов. На левый фланг роты бросились финские егеря. Они шли с пригорка, строча из автоматов. Не выдержали нервы одного бойца, и он повернулся к противнику спиной.

— Не туда смотришь, — закричал ему Дорош. — За мной, товарищи!

Моряки с возгласами: «Бей фашистов! Смерть захватчикам!» — поднялись на врага.

Психическая атака фашистов не удалась.

Наступление противника на Большие Горы серьезно угрожало правому флангу бригады. Из штаба корпуса настойчиво требовали удержать Большие Горы. И моряки держались. Они цеплялись за каждый бугорок, бились за каждый метр родной земли. Однако 24 июля, ценой больших потерь, противнику удалось захватить этот важный населенный пункт.

К вечеру 24 июля разгорелся жаркий бой за Видлицу. Оттуда доносился непрерывный гул артиллерийских и минометных разрывов. Казалось, небо рушилось на головы людей 1-го отдельного стрелкового батальона.

В этом бою все перемешалось. Иногда трудно было понять, где свои, где противник. Всюду рвались гранаты, трещали автоматы, чеканили дробь пулеметы, кричали наши, кричали финны. Моряки не щадили ни врага, ни себя. Раненые не покидали поле боя. Моряки дрались до последнего патрона, до последнего вздоха. Они делали все, чтобы измотать и обескровить противника, лишить его ударной силы. Краснофлотцы не складывали оружия, предпочитая смерть фашистскому плену.

Встретив стойкое сопротивление морской пехоты, финны решили зажать бригаду с флангов. Им удалось потеснить моряков и ворваться в Видлицу. Стрельба слышалась уже по всей южной части поселка.

— Не понимаю, откуда у нас на левом фланге взялся пулемет? — сказал майор Зуевич. — Да еще такой разговорчивый.

Все выяснилось, когда в штаб бригады вернулся командир взвода лейтенант Петров, держа в руках немецкий пулемет МГ-34. Это он, будучи отрезанным от взвода, уничтожил расчет врага, захватил пулемет и остановил продвижение финнов в глубь Видлицы. Более двух десятков трупов остались лежать на дороге у моста через речку Ковзема.

Командиры и политработники батальонов и штаба бригады всегда находились в передовых рядах и делали все для того, чтобы призыв «Ни шагу назад!» стал девизом бригады, батальона, роты, каждого бойца. Выстоять — значит победить. Таков был смысл бесед, проводимых в подразделениях. И моряки прекрасно понимали значение боев в Южной Карелии для обороны Ленинграда.

Враг имел превосходство в живой силе и технике, занимал выгодное фланговое положение. Учитывая все это, генерал Цветаев приказал войскам отойти на новую линию обороны.

28 июля части южной группы 7-й армии заняли оборону по реке Тулоксе от Асипалы до Ладожского озера. Попытка противника с ходу форсировать Тулоксу разбилась о стойкость морской пехоты и подразделений 452-го и 7-го стрелковых полков.

НА ТУЛОКСЕ

Тулокса. Навсегда сохранилось в памяти моряков название этих ничем не примечательных карельских речки и деревушки, где шли тяжелые кровопролитные бои летом сорок первого. Здесь остановили они гитлеровцев, двигавшихся к Ленинграду. В оборонительных боях, продолжавшихся 38 дней, морская пехота отразила все удары врага и вынудила его перейти к обороне.

Летом 1941 года развернулось одно из крупнейших сражений за Ленинград. Немцы предприняли попытку обойти Ленинград с юго-востока и соединиться с финскими войсками, наступающими в Южной Карелии. Клещи вражеских войск должны были сомкнуться восточнее города Ленина. .

Надо было любой ценой сорвать замыслы врага. Военный совет Северного фронта потребовал от 7-й армии перейти к активным действиям. Из-под Красного Села в Южную Карелию срочно была брошена 3-я Фрунзенская дивизия народного ополчения под командованием Героя Советского Союза полковника В. П. Нетребы, состоявшая из двух стрелковых и одного артиллерийского полков. Третий стрелковый полк дивизии уже был на фронте южнее Ленинграда. Прибыв в Лодейное Поле, дивизия начала свой нелегкий боевой путь.

В первых числах августа в район города Петрозаводска прибыла новая, только что сформированная 272-я стрелковая дивизия полковника М. И. Потапова. По мере подхода эшелонов, полки сразу же направлялись к переднему краю.

Теперь в состав южной оперативной группы 7-й армии, кроме 3-й морской бригады, 719-го (бывшего 7-го) и 452-го стрелковых полков и Питкярантского и Олонецкого истребительных батальонов вошла 3-я дивизия народного ополчения, насчитывающая около 5000 человек и имеющая артиллерийский полк и минометные подразделения. Войска 7-й армии перешли в наступление. Перед ними стояла задача: уничтожить Видлицкую группировку противника и выйти на рубеж Коткозеро—Большие Горы — Погранкондуши.

8 августа 1061-й полк 272-й стрелковой дивизии недалеко от деревни Афанасьева Гора смял оборону противника, захватил переправу и стал теснить финнов на запад.

Правофланговый сосед моряков — 3-я Фрунзенская дивизия ленинградских ополченцев—навязал противнику встречный бой и стал теснить его. На одних рубежах противник откатывался после, первого удара ополченцев, на других яростно сопротивлялся. Действия ленинградских добровольцев отличались активностью и невиданным мужеством.

2-й полк майора К. В. Зубцова, состоявший из добровольцев Приморского района Ленинграда, наносил удар по дороге на Тенгусельгу, а 3-й полк, сформированный из ополченцев Выборгской стороны, которым командовал подполковник К.И.Квятковский, двигался из совхоза «Ильинский» на Сяндебу.

Впереди шел батальон под командованием доцента Лесотехнической академии, майора запаса Фалина.

Фалин принадлежал к поколению командиров Красной Армии, прошедших сквозь огонь гражданской войны. Его грудь украшал орден Красного Знамени, полученный за боевые

подвиги в борьбе с белогвардейцами.

Чем ближе полк подходил к Тулоксе, тем ожесточенней сопротивлялся враг. Особенно кровопролитные бои разгорелись на подходе к деревням Верхний Конец и Сяндеба. В бою за Верхний Конец рота лейтенанта Васильева попала под плотный огонь противника и залегла. Тогда Квятковский приказал установить орудия на открытые позиции и прямой наводкой уничтожить огневые точки врага. Эту задачу отлично выполнил молодой командир дивизиона Кальм. В настоящее время Павел Александрович Кальм — профессор Ленинградского сельскохозяйственного института. Геройски бились добровольцы роты бывшего буденновца Крайнова. Они пробрались в тыл противника, разгромили штаб полка и захватили ценные штабные документы. Под Сяндебой образцы мужества показали ополченцы роты Трофимова, еще в годы гражданской войны награжденного орденом Боевого Красного Знамени. Сдавленная с трех сторон рота в течение дня отбила восемь яростных атак противника. Презируя смерть, бойцы бились до последнего патрона. После боя в роте осталось только 10 человек, так велики были потери. Храбро бился за Сяндебу батальон приморцев под командованием Кравчука. Особенно отличилась в этом бою рота М. Н. Симбирцева. Она ворвалась на окраину деревни, но взять ее не смогла. Тогда командир дивизии полковник В.П.Нетреба бросил на помощь Симбирцеву батальон Измайлова. Участник этого боя Юрий Дмитриевич Манаев рассказывал автору: «В разгар боя вражеская пуля сразила Измайлова. Когда военфельдшер Аня Павлова подползла к комбату, он был мертв. Противник поднялся в атаку, а командир убит. Невидимая сила оторвала Аню от земли. Она встала во весь рост и, подняв над головой наган, с криком: «За Родину!» — повела батальон на штурм вражеских укреплений. Сяндеба и высота были взяты. Ополченцы продолжали преследовать противника, но не было в их рядах русоволосой девушки с медицинской сумкой и наганом. Не было Ани Павловой. Героической смертью в этом бою пала участница недавней войны с финнами Аня Павлова. Когда после боя друзья Ани по совместной работе на Ленинградской фабрике «Красное Знамя» несли ее тело к месту захоронения, однополчане сняли каски, а кто-то сказал: «Несут нашего комбата».

Всего несколько часов медицинская сестра А. П. Павлова командовала батальоном, а в памяти живых ветеранов 3-й дивизии народного ополчения она так и осталась комбатом».

В этих боях погиб майор Фалин, пали смертью храбрых Измайлов, Трофимов, Тройнов, был тяжело ранен в живот командир дивизии полковник Нетреба. Сейчас в Сяндебе, на том месте, где кипел кровопролитный бой, на склоне высоты, ветераны дивизии народного ополчения разбили фруктовый сад, а в центре села воздвигнут обелиск, который будет вечно напоминать живым о подвиге павших в боях за нашу Родину. Малочисленные остатки 719-го и 452-го полков и истребительных батальонов также сражались до последнего патрона, до последнего человека.

Но решающие события происходили на левом фланге этого участка фронта, в расположении 3-й морской бригады, там, где противник сконцентрировал главные силы для нанесения удара на Олонец.

Тулокса здесь изогнулась, как огромный туго натянутый лук. Один его конец уперся в Ладожское озеро, другой — в населенный пункт Асипала. Вершиной его был мост и дорога на Олонец. Сюда и был направлен главный удар противника. Он бил по обороне из всех видов оружия. Вода в Тулоксе кипела от разрывов снарядов и мин. Лес на

берегах реки поредел — его рубили снаряды.

Бой шел непрерывно. Люди потеряли счет времени. Матросы отдыхали и принимали пищу тогда, когда для этого была хоть какая-то возможность. Противник не прекращал попыток форсировать Тулоксу. Нельзя было допустить, чтобы он высадился на левый берег реки и закрепился. Иногда решали минуты...

— За мной!

Командир роты главстаршина Ширшин поднял моряков в атаку. Образец мужества и стойкости показал кандидат партии краснофлотец Горчаков. В критическую минуту боя, когда командир роты вышел из строя, он взял на себя командование ротой. Десант противника был наголову разбит.

Смело и решительно действовал кандидат партии Щеников. Он вынес с поля боя 40 раненых краснофлотцев и командиров.

Невиданную смелость и мужество показала военфельдшер Валентина Паршукова. Она все эти дни находилась на переднем крае, спасая жизнь раненых. Была и за хирурга, и за медсестру, и за санитаря. Паршукова часто сама выносила из-под огня раненых. Однажды в разгар боя смолк пулемет. Не обращая внимания на огонь врага, Валентина поползла к пулемету. Пулеметчик был убит. Паршукова никогда до этого не стреляла из пулемета, тем более по живым целям, но знала, как обращаться с оружием. Легла к пулемету и нажала на спусковой крючок. Ложа больно молотила по плечу, но Паршукова не переставала стрелять. Атака была отбита.

После боя Валя вернулась в санроту. Ее правая рука висела, как плеть. «Что с тобой, ранена?»—спросил врач. «Нет,— отвечала она.— Это пулемет отмолотил всю ключицу».

А вечером, когда утих бой, Валя пела вместе с бойцами:

Напрасно старушка ждет сына домой, Ей скажут, она зарыдает...

Никто не умел так обращаться с ранеными на поле боя и в палате, как военфельдшер 2-го батальона Валентина Паршукова. В Олонецком музее хранится письмо командования батальона ее матери — Агрипине Тарасовне Паршуковой: «Ваша дочь Валентина Евгеньевна добросовестно выполняет порученное дело. Она многому научилась в уходе за ранеными...»

А сколько добрых слов было сказано в адрес фельдшера Ивановой Ксении — Софы, как называли ее моряки. Эта смелая, мужественная девушка не боялась ни артобстрелов, ни бомбежек. Ежеминутно рискуя жизнью, она ходила и ползала по переднему краю, спасая жизнь людей.

3-я морская бригада сдерживала напор противника значительно поредевшими тремя батальонами. 4-й ОСБ капитана П. А. Спиридонова участия в боях в устье Тулоксы не принимал. Он находился в распоряжении штаба южной группы и выполнял особое задание на правом фланге. Батальон понес большие потери и с боями отошел к Кировской железной дороге.

В штабе бригады долгое время не знали о трагической судьбе батальона капитана Спиридонова. Вот что рассказал автору вышедший из окружения политрук этого батальона С. Д. Логинов:

«В первой половине августа наш батальон был переформирован. Он пополнился молодыми кадровыми бойцами и командирами. На должности командиров взводов, отделений и пулеметчиков были поставлены опытные и умелые офицеры, сержанты и краснофлотцы. Заместителем начальника штаба батальона стал знающий свое дело кадровый командир — лейтенант Картошкин. Батальон действовал в районе населенных

пунктов Торосозеро—Сармяги.

Выполняя трудные задания Родины, батальон провел десятки вылазок в финский тыл. Воюя с врагом, моряки проявили не только стойкость и отвагу, но и находчивость, смекалку — все те качества, которыми так щедро наградила природа советского человека.

Однажды наш батальон принял удар вражеского батальона егерей, усиленного танками и двумя ротами самокатчиков. В этом бою финны оставили на поле боя около 100 трупов своих солдат и офицеров, в том числе командира батальона. Моряки наголову разгромили противника, захватили богатые трофеи: 8 автомашин, 90 мотоциклов и велосипедов, 4 пулемета, свыше 100 винтовок и автоматов, много патронов и другое снаряжение. Семь километров гнали мы шюцкоровцев. Многие из нас тогда впервые увидели, как бежали ненавистные захватчики.

На следующий день, подтянув подкрепление, противник несколько раз бросался в бой, но, встретив дружный отпор, откатывался назад. Во время одной из атак погиб парторг батальона политрук Александр Смирнов.

В критический момент, когда противник пытался окружить нас, комбат Спиридонов поднял бойцов в контратаку. В этом бою погиб этот талантливый и смелый командир.

Весть о гибели комбата мигом разнеслась по ротам и взводам батальона.

«Комбата убили! За комбата — смерть врагу!» — обратился к краснофлотцам комиссар батальона старший политрук Приставка. Краснофлотцы сбросили бушлаты, в одних тельняшках пошли на врага. У них были винтовки и автоматы, но не было патронов, поэтому они дрались прикладами, ножами, кулаками, хватали врага за горло, валили на землю и душили. Эти люди были крепче стали...

Родина высоко оценила боевые подвиги командира 4-го батальона 3-й бригады морской пехоты Краснознаменной Балтики капитана П. А. Спиридонова, посмертно наградив его орденом Ленина.

Командование батальоном принял командир 3-й роты лейтенант Анохин. За умелое руководство боями и проявленную храбрость и стойкость лейтенант Анохин был награжден орденом Красного Знамени.

Погиб и парторг батальона политрук Смирнов.

Когда противник прорвал нашу оборону и разрезал войска 7-й армии на две части, наш батальон оказался в глубоком тылу врага.

Матросы батальона и в окружении продолжали развивать боевые традиции, заложенные капитаном Спиридоновым. Они нападали на противника, громили его колонны, тылы.

В бою за Сармяги был ранен заместитель командира батальона старший лейтенант А. Смирнов и комиссар батальона старший политрук Приставка.

Когда кончились продукты и боеприпасы, мы стали отходить. В батальоне было пять бронемашин, но все дороги были заняты противником. Решили орудия и машины взорвать, а сами двинулись по лесам и болотам двумя группами: основная часть батальона во главе с лейтенантом Анохиным и начальником штаба лейтенантом Кобой пошли на Петрозаводск, а главстаршина Ольхов с группой 70—80 человек двинулись на станцию Токари Кировской железной дороги.

Анохину не удалось пробиться к Петрозаводску. Тогда он тоже решил идти на Подпорожье и раньше нас пришел на станцию Токари. В этих местах вели очаговые бои остатки 3-й дивизии народного ополчения. К нам стали прибывать из Петрозаводского

госпиталя легко раненные матросы. Мы хотели организовать отдельную роту морской пехоты, но нам не разрешили. Забрали у нас артиллеристов и шоферов в другие части, а оставшихся направили оборонять деревню Ревсельга. Отсюда после тяжелых боев остатки дивизии народного ополчения и моряки мелкими группами стали выходить к Свири и переправляться на левый берег. Мы с лейтенантом Анохиным переправились через Свирь в деревне Ровское. С нами было еще 15 человек. На южном берегу Свири нас принял майор Блак. Он формировал из выходивших окруженцев батальон. От Блака мы вернулись в свою бригаду, которая к тому времени занимала оборону на Свири». Но вернемся в бригаду. После того, как 4 сентября финны прорвали нашу оборону на участке 719-го стрелкового полка и стали развивать наступление на Олонец и Петрозаводск, войска южной оперативной группы оказались разорваны на две части. Бригада, как и в июле под Видлицей, опять оказалась далеко в тылу противника. Из-за перебоев в работе средств связи штаб бригады получил приказ об отходе на рубеж реки Свири с большим опозданием — в 21 час 30 минут 5 сентября. Противник в это время уже был за Олонцом, а морская пехота все еще вела бои несколько юго-восточнее деревни Тулокса. Но моряки сохранили боеспособность и железную дисциплину. Все дороги, ведущие на Олонец и Лодейное Поле, были перехвачены противником. Свободной оставались лишь одна проселочная дорога да узкая полоска земли вдоль берега Ладоги. Противник делал все для того, чтобы перерезать и этот путь отступления. Он непрерывно атаковал бригаду с фланга, бросал против морских пехотинцев танки, авиацию. Но балтийцы действовали самоотверженно. Утром 6 сентября противник при поддержке авиации вновь атаковал бригаду с фланга. Самолеты заходят со стороны озера и пикируют на колонну, идущую по дороге. Развернувшись за лесом, они возвращаются и поливают свинцовым градом подразделения бригады. Не проходит и часа — снова появляются самолеты. Снова рвутся бомбы. Огонь трех крупнокалиберных пулеметов не может помешать противнику бомбить и обстреливать людей. Моряки падают в кюветы, наполненные водой, сжимаются, втягивают головы в плечи.

— Но где же наши самолеты? Почему нас не прикрывают? — возмущаются матросы. Они не могли знать, что вся наша авиация была брошена на прикрытие защитников Ленинграда. В эти дни немцы из района Мги пробивались к Шлиссельбургу, на южный берег Ладоги.

По разработанному штабом бригады плану отход начался с эвакуации тылов и раненых. Раненые шли группами, с оружием. Шли не спеша, всю ночь. Прикрывал отход 2-й батальон капитана А. З. Шведова. Шла бригада, как говорят моряки, на параллельных курсах с противником. Когда охранение соприкасалось с противником, закипал короткий, но горячий бой.

...Из-за холма выскочили четыре танка и на большой скорости направились наперерез батальону.

— Целиться наверняка,— приказал командир роты Стибель.

Первый танк, подорванный гранатой, завертелся и стал дымиться. Два танка подбили гранатометчики. Четвертый повернул обратно...

Подшли к Олонке. Река в низовье довольно широкая, тем более в эти осенние дни, а переправочных средств — никаких.

Пришлось перебираться вброд. Командир роты, позднее командир 2-го ОСБ А. П.

Солдаты морской пехоты

Добавил(а) Administrator

19.10.12 11:40 - Последнее обновление 12.01.16 11:55

Стибель рассказывал много лет*спустя:

— В небольшой карельской деревушке стоят женщины с ребятишками, плачут. Одна из них спрашивает: «Куда же вы уходите?» Комиссар батальона старший политрук М. В. Рогаткин отвечает: «Мы идем только до Свири, а дальше ни шагу». Она смотрит на него и говорит: «Вы до Свири, а мы — в рабство?».

Не доходя Андрусовской губы противник все же оседлал дорогу. Пришлось пробиваться с боем. Капитан А. З. Шведов сам повел людей в атаку. Автоматная очередь перебила ему обе ноги. Матросы отнесли Шведова к Андрусовской губе, где стоял катер Ладожской военной флотилии. Он забирал раненых и больных. Командование батальоном принял капитан П. И. Шумейко...

Боевые действия в Южной Карелии летом и осенью 1941 года сыграли важную роль в обороне Ленинграда.

Южная оперативная группа 7-й армии генерала Цветаева являлась своеобразным щитом, прикрывавшим Ленинград с северо-востока. За 40 дней боев, которые вела 3-я бригада морской пехоты и 3-я Ленинградская дивизия народного ополчения на Тулоксе, противник не продвинулся ни на шаг. Карельская армия финнов была обескровлена и вынуждена временно отказаться от наступления.

Весьма характерным является признание гитлеровского генерала Типпельскирха: «...Немецкое командование обратилось к финнам с настоятельной просьбой оказать в районе реки Свирь как можно более сильное давление на русские войска, чтобы облегчить положение корпуса, ведущего ожесточенные бои в районе южнее Ладожского озера. Но финская армия... была не в состоянии это сделать».

Пожалуй, самый главный итог начального периода войны в Южной Карелии состоит в том, что была сломлена наступательная мощь противника, перемолоты его отборные части, сорваны планы захвата Ленинграда.

Слева направо: С. А. Аушев, начальник полтогдела 3-й бригады морской пехоты; С. А. Гудимов, начальник штаба; А. П. Рослов, командир бригады.

П. И. Шумейко, командир 2-го батальона 3-й бригады, впоследствии командир 385-го стрелкового полка, Герой Советского Союза.

П. А. Стибель, командир 2-го батальона 3-й бригады.

С. Д. Логвинов, командир 1-й роты 3-го батальона 3-й бригады, Герой Советского Союза.

Солдаты морской пехоты

Добавил(а) Administrator

19.10.12 11:40 - Последнее обновление 12.01.16 11:55

А. М. Коров, старшина пулеметной роты. В. А. Паршукова (Стопа), военфельдшер. И. П. Ерошенко, мичман.

Работники штаба и подполковник 70-й бригады. Слева направо сидят: М. И. Коломаков, П. Д. Андреев — командир бригады, А. А. Герольман, В. А. Суров; стоят: И. Н. Кривонос, Е. Ф. Петик, Г. Н. Григорьев, С. А. Пестанов и В. П. Федоров.

А. В. Зайцев, командир 70-й бригады. П. А. Артемьев, автоматчик. А. Н. Молчанов, Герой Советского Союза.

Ф. И. Кондрашов, командир 1-го батальона 70-й бригады.

И. Ф. Христовор, командир разведаки 70-й бригады и В. С. Боров, командир взвода батальона.

Ф. М. Крылов, старшина роты 336-го полка, Герой Советского Союза. Один из первых форсировал Тулоку при соединении с десантом. Генерал-майор С. Д. Бузинов, бывший начальник штаба 70-й бригады. С. А. Пестанов.

Привет в партию матроса Н. Я. Давыдова на десантном пароходике 70-й бригады во время Туловского десанта в июне 1944 г.